

ПРИРОДА И ХАРАКТЕР ОБЪЕКТИВНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ И ИСТИН

Б. М. Рахаев, К. А. Калабекова

В настоящее время в экономике накопилось большое количество проблем, требующих своего решения. В силу имеющихся в науке огромных материальных, духовных (интеллектуальных), административных и финансовых ресурсов ей отведена, быть может, основная функция в их решении за счет сбора и систематизации экономических знаний и выработки алгоритма поиска экономических истин. Но в этой связи возникают вопросы: какова природа экономического знания (априорна или апостериорна, эмпирическая или теоретическая)? что есть экономическая истина (или экономические истины) (выражение всеобщих истин мироздания или же истин хозяйственного мира? а чем является хозяйственный мир: самостоятельным объектом или же частным выражением общего мира)? как познается экономическая действительность (так же, как и в других науках, или иначе, но тогда какова реальность экономики и реальна ли экономика)? Этим вопросам в основном и посвящена данная статья.

Экономическая наука и ее задачи

В последние годы в экономических исследованиях активизировалась дискуссия о том, чем является экономическая наука¹. Высказываются разные мнения, предлагаются доказательства различных взглядов. Обобщив основные точки зрения, можно прийти к выводу, что экономическая наука должна решать три основные задачи: выявлять экономические феномены, давать им объяснение и предсказывать их появление и исчезновение. В то же время в разные периоды можно наблюдать своеобразный крен «ресурсов экономической науки» в сторону то одной, то другой, то третьей задачи. Поэтому в экономической науке (как и в любой другой) периоды накопления фактов сменяются периодами их описания, которые порой воспринимаются как самостоятельные и интерпретиру-

ются как кризис в науке или даже кризис науки [4, 6, 11, 12, 15, 28]. В настоящее время наблюдается определенный крен в сторону второй задачи — объяснения природы экономических феноменов, вызванных последним глобальным кризисом. На это брошены большие интеллектуальные, финансовые и административные ресурсы. И с этой точки зрения понять такой крен можно, но с точки зрения самой науки — едва ли. Такая концентрация ресурсов на одном из направлений может привести к тому, что не будет уделено должного внимания другим феноменам. Экономическая наука и теория прирастают с каждым новым феноменом, так как всякий новый феномен развивает как методологическую, так и теоретическую и экспериментальную стороны экономической науки. Поэтому поиск новых феноменов является важной задачей экономической науки, но имеющей, по нашему мнению, прикладной характер. Дело в том, что эмпирические факты (или феномены) сами по себе могут оказаться совершенно ложными, точно так же, как и логические схемы виртуальными или, если угодно, иг-

¹ Даже самый приблизительный компендиум наиболее значимых отечественных и зарубежных авторов занял бы объем добротной журнальной статьи. Поэтому ограничимся лишь небольшим количеством авторов, взгляды которых, на наш взгляд, заслуживают внимания [2, 6, 7, 8, 10, 11, 15, 16, 20, 21].

ровыми, то есть и те и другие — нереальными. Поэтому разработка элегантных и эстетически привлекательных экономических теорий (или моделей) совершенно не гарантирует их высокой «народнохозяйственной ценности», что подтверждается самими экономистами-теоретиками [7, 9, 15, 21, 28]. Не вдаваясь в детали возникающих противоречий и перечисление возможных вариантов, отметим лишь, что речь идет о решении фундаментальных проблем: что есть экономическая реальность и насколько реальна экономика и экономическая теория? Является ли экономика реальностью? Какая экономика является реальностью? Причина, по которой мы выходим в данную плоскость, заключается в том, что наука может заниматься только реальностью, тогда как различного рода мнимые объекты могут быть предметом идеологии, религии, искусства, литературы, мифологии и проч.

Экономика как реальность и реальность экономической теории

Наличие функций выявления экономических феноменов, сбора эмпирических и логических фактов, а также объяснения экономических феноменов и прогнозирование их появления и исчезновения позволяет выделить в экономической науке ряд «структурных подразделений», которые занимаются накоплением и сбором эмпирических данных, обобщением воззрений, изучением истории, логики и т. д. и оформлением экономической истории, истории экономики, философии экономики, экономической кибернетики, экономической логики, эпистемологии, экономической теории и т. д. Экономическая теория в разделе экономической науки занимает центральное место, и поэтому данному вопросу следует уделить больше внимания.

В понимании природы и характера экономической теории выделяется два взгляда. Один рассматривает экономическую теорию как выражение закономерностей хозяйственного мира в мысли¹. Речь идет о том, что есть некая хозяйственная реальность — продукт каждодневной предметной практической деятельности людей, и есть ее отражение в мыслях исследователей. Закономерности образуемого повседневной хозяйственной деятельностью людей мира, способ его существования и представляют собой экономическую теорию. Экономические объекты выступают продук-

тами отражения глубинных связей между элементами и структурами хозяйственного мира в сознании людей, а не как продукты, конструкции их мышления. Такие экономические объекты, как обмен, распределение, накопление и т. п. инвариантны у народов, удаленных друг от друга пространственно и во времени. Отсюда следует, что экономические воззрения не произвольны, а отражают фундаментальные свойства хозяйственного мира.

Другой, можно сказать, противоположный взгляд рассматривает экономическую теорию как логическую систему, в которой присутствуют мыслительные объекты, имеющие мало общего (а то и вовсе ничего общего) с реальными экономическими объектами и процессами². Формулы, которые получены путем обобщения статистических данных или еще каким-то иным образом, не имеют никакого отношения к хозяйственной реальности; это не более (и не менее) чем «потенциально полезные абстракции» [10, с. 11]. Люди создают различные модели и придают им разное толкование в зависимости от договоренности, а не в силу их объективного существования. При этом эти мыслимые объекты существуют сами по себе, лишь иногда и случайно соприкасаясь с реальными экономическими объектами. Таким образом, существует как бы два параллельных мира: мир реальных экономических объектов и мир экономических объектов, которые созданы мышлением. По существу они не имеют ничего общего. В наибольшей мере этот взгляд проявился в так называемой математической экономике, или экономикс, названной Р. Лукасом аналоговыми экономиками, или имитационными моделями [28]. Экономические объекты экономикс представляют собой мыслительные конструкции, построенные на основе некоторых логических принципов, не имеющих реальных отношений [6, 28-29]. Таким образом, объекты экономической теории (экономикс), обладая логической определенностью и доказательной строгостью, не являются отражением свойств реального хозяйственного мира. Это просто удобные логические конструкты, которые создает мышление.

² Этой позиции придерживаются так называемые позитивисты, яркие представители которых — М. Фридмен [20], Р. Лукас [28-29]. Отчасти к ним можно отнести также и ранних маржиналистов: Джемсона, Вальраса, Менгера и Парето. По-видимому, сюда следует включить Дж. С. Милля, И. Бентама, а также Г. Госсена, первого как основоположника «методологии индивидуализма», второго — «экономического утилитаризма», третьего — за «принцип убывающей предельной полезности».

¹ Данного взгляда придерживается большинство ученых-экономистов, стоящих на материалистических позициях, и тем более — разделяющих марксистские убеждения.

С первой (материалистической и марксистской) позицией с точки зрения поставленных вопросов все более-менее определенно, чего нельзя сказать в отношении второй. И поэтому на последней следует остановиться специально.

Прежде всего, насколько реальны логические модели, эти формулы и уравнения, в которых представлены пропорции и связи? Каково их соотношение с «реальной экономикой» и отражением какой экономической действительности — реальной или виртуальной — являются экономические понятия и категории? На перечисленные (и подобные) вопросы можно ответить лишь тогда, когда есть ответ на вопрос: что есть экономическая реальность?

Экономическая реальность связана с тем, что часто об экономике говорят в разных контекстах. Если исходить из аристотелевского определения экономики, как одной из древнейших наук, то экономической реальностью является приобретение благ, необходимых для жизни или полезных для дома и государства [3]. Следовательно, производство, обмен и потребление благ, необходимых для жизнедеятельности индивида и полезных для дома и государства, и есть экономическая реальность. Исходя из этого, все то, что не связано с производством, обменом и потреблением благ, необходимых для жизни индивида и полезных для государства и дома, не является экономической реальностью. Поэтому, например, искусство делать деньги (хрематистика) не является экономической реальностью.¹

¹ Как известно, Аристотель выделял два рода хрематистики. «Существует двоякого рода хрематистика: одна относится к торговле, другая к экономике; последняя необходима и достойна похвалы, первая основана на обращении и потому справедливо порицается (ибо она покоится не на природе вещей, а на взаимном надувательстве). Таким образом, ростовщичество справедливо ненавидимо всеми, ибо здесь сами деньги являются источником приобретения и употребляются не для того, для чего они были изобретены. Ведь они возникли для товарного обмена, между тем процент делает из денег новые деньги. Отсюда и его название («процент» и «порожденное»). Ибо порожденное подобно породившему. Но процент есть деньги от денег, так что из всех отраслей приобретения эта — наиболее противна природе». [3] Свою, в целом соответствующую аристотелевской интерпретацию хрематистики дает К. Маркс: «Д — Д', деньги, обмениваемые на большее количество денег, — форма, противоречащая самой природе денег и потому необъяснимая с точки зрения товарообмена» [13, с. 175]. Но, кстати, легко объяснимая с точки зрения «институциональной теории», то есть когда деньги выступают формой обязательств и всеобщего универсального эквивалента и когда, беря займы деньги, индивид кредитует обязательства, в обмен отдавая часть своих прав собствен-

Но важна и другая особенность экономики как реальности — то, что она выделена деятельностью и находится за пределами субъективности, то есть ее существование не зависит от субъектов, ее творящих, даже несмотря на то, что экономику делают люди, наделенные сознанием, имеющие определенные знания, заблуждения, опыт, эмоции и проч., и сам «мир экономики гораздо больше зависит от наших представлений о нем, чем физический мир» [9, с. 12]. Результат оказывается независимым от индивидуального восприятия его каким-либо индивидом не только в силу так называемой статистичности, но и в силу того, что продукт деятельности отличается от того, каким он предстает в сознании. Эту особенность выражает, в первую очередь, предметная структура хозяйственного мира.

Правда, предметность вовсе не является атрибутом реальности. Но в данном случае экономика реальна, ибо она не кем-либо выделена, а представляет собой, во-первых, продукт коллективной исторической деятельности, во-вторых, материал, который достался от природы и предыдущей деятельности, в-третьих, реализацию технических, технологических средств и состояния внешней природы, в-четвертых, определенных институтов. Следовательно, ее объективность реальна, а реальность объективна.

Кроме того, если признать, что практика и эксперимент представляют собой критерии реальности, то реальность экономики выявляется в процессе деятельности, то есть до актов познания и независимо от них — на практике.

Наряду с миром хозяйственных объектов как общезначимой экономической реальностью, хозяйственная деятельность формирует также логику экономического мышления (по сути, экономическую теорию). Экономическая теория, какими бы она ни оперировала абстракциями, реальна, только потому, что реальна сама экономика. Правда, это в том случае, если экономические категории и модели представляют отражение реальных экономических объектов. А как быть, если модели и формулы экономики представляют логические продукты, как, например, в экономикс?

Ответ на данный вопрос, очевидно, лучше всего можно получить исходя из эволюции экономической теории [14, 23]. Но последнюю невозможно понять без понимания изменений, произошедших не только в хозяйственной практике (в экономике), но равно и в реальности. С этих позиций, а именно с позиций обмена правами, проблема Д — Д' имеет логическое объяснение.

уках (математике, физике, биологии, истории, социологии и т. д.) и практиках (психологии, менеджменте, маркетинге и т. д.).

На заре капитализма возникшее представление об экономике как о производстве товаров (меновая и потребительная стоимость) придало экономике своеобразную «координатную систему измерения». Производство товара находилось в центре этой системы и определяло ее «координатную ось». Такой образ экономики обуславливал неразрывность категорий природы, экономики и логики. Однако расширение кредита, сферы услуг, образования «сервисной экономики», «экономики знаний», «информационного и сетевого общества» и т. п., существенно расширяет как саму основу экономики, так и предмет экономики. В результате в экономическую науку и теорию проникают новые идеи. Наибольшую активность, начиная с последней трети XIX в., проявили два взаимно проникающих направления: маржинализм и математика, сформировавших новое направление — математическую экономику, которая поначалу выступает как инструмент формализации и квантификации хозяйственных связей и отношений («пространственная экономика» — Вебер, Тюнен и др., — межотраслевой баланс, производственная функция и т. п., а также маржиналисты: Джевонс, Менгер и Вальрас). Однако затем в Европе (преимущественно в Англии), а также США, экономическая наука (теория) начинает развиваться как своеобразная «проектная, или модельная математическая экономика» — математическая теория экономики не соотношений, чем является математическая экономика чуть ли не со времен Аристотеля и до Маркса и Маршалла, а моделей (построений и преобразований). Эту особенность можно наблюдать уже в первых работах по производственным функциям (Кобб и Дуглас), а также теории циклов (Н. Кондратьев), не говоря уже об идеологии равновесия и уравнениях Л. Вальраса, В. Парето, а также теориях Фишера, Шумпетера, Кейнса и многих др., логическим завершением которых выступает то, что Р. Лукас назовет аналоговой экономикой, а другие — экономикс. В результате данных разработок произошли глубокие изменения во взглядах на экономическую науку и экономическую теорию. Благодаря проектной или модельной экономике была преодолена основная догма классиков — утверждение о том, что экономическая теория является отражением хозяйственной практики. Стало возможным строить экономику исходя из логических схем, без апелляции к обыденному практическому

опыту. Экономическая наука получила возможность создавать новые экономические теории путем «обоснованного отказа» от налагавшихся на нее ранее ограничений, связанных с апелляцией к хозяйственной практике.

Следствием этой теоретической революции стало то, что представление о современной экономике стало невозможно основывать на так называемом визуальном восприятии экономики. Его необходимо формировать на основе новых понятий и категорий, выражающих процессы, произошедшие за последнюю четверть века. Например, вследствие возникновения глобальной информационной сети экономика не может восприниматься как пространственно локализованный процесс создания товаров. Скорее, она представляет собой поток транзакций, в котором все обмениваются транзакциями. Неизменным остается лишь процесс обмена. Но все: от агентов до продуктов, а равно места и времени, меняется радикально. Глобальная сеть Интернет не только пронизывает все хозяйственные процессы, происходящие на планете и в околоземном и даже космическом пространстве, но делает так, что все процессы, происходящие на планете, в околоземном и космическом пространстве, на индивидуальном, коллективном и социальном уровне, ведутся на ее основе, черпают из нее ресурсы, передают в нее и транслируют через нее свои ресурсы.

На этом основании проявляется двоякая природа экономических категорий. Во-первых, они, безусловно, реальны, так как являются отражением реальности; но лишь при условии адекватного отражения. Во-вторых, они безусловно априорны, независимы от эмпирических практик и от характера объектов хозяйственной деятельности, так как категории — это не обобщения хозяйственного опыта, а идеализации хозяйственной практики, то есть ее моделирование. Но априорность экономических категорий не противоречит тому, что они реальны. Это важное и в чем-то даже центральное положение экономической теории, а потому нуждается в дополнительном пояснении.

Объяснять его можно по-разному и в разных ракурсах, но в науке данная проблема решается в контексте проблемы истины. И в этой связи следует разобраться, что есть экономическая истина?

Основные подходы к пониманию экономических истин

Обобщение взглядов экономистов на экономические истины как на выражение фундаментальных свойств хозяйственного мира, позволяет, в соответствии с тем, как понимается сам хозяйственный мир, выделить три взгляда. В одном случае хозяйственный мир представляет продукт каждодневной хозяйственной деятельности множества ассоциированных и атомизированных индивидов, наделенных способностью мыслить, имеющих представления, восприятия, ожидания, стремящихся к достижению собственных интересов и целей и т. д. Ввиду изменчивости последних, этот продукт представляется постоянно изменяющимся. В другом случае хозяйственный мир или экономика представляет выражение неких всеобщих фундаментальных закономерностей существования подлунного мира и индивиды лишь выполняют операции, которые заложены в закономерностях этого мира (они делают это и в других видах деятельности: от совокупления, рождения, воспитания и до смерти, и хозяйственная деятельность является всего лишь одним из аспектов жизнедеятельности индивидов). Поэтому люди в своей хозяйственной практике всего лишь повторяют некие всемирные закономерности, которые задаются «мировыми константами». Стало быть, хозяйственный мир людей есть всего лишь выражение этих всемирных закономерностей, поэтому изучение закономерностей хозяйственного мира представляет собой изучение мира вообще. Если довести данную позицию до логической крайности, каковая иногда встречается в наиболее рафинированных исследованиях по экономической теории,¹ то объекты экономической теории не существуют в хозяйственных объектах. Правда, они же не существуют также и вне хозяйственных объектов, так как являются «мыслительными отвлечениями» реальных хозяйственных объектов; экономика экономической теории — аналоговая экономика. Поэтому экономические истины и теоретические объекты есть сугубо умозрительные образования и в этом статусе выступают предметом отдельного исследования, но не экономической теории, а методологии. В третьем случае хозяйственный мир дифференцируется на два: неизменный и преходящий или изменяющийся. Экономические истины «находятся» в неизменном мире. Экономическая

теория занимается изучением фундаментальных свойств (истин) неизменного хозяйственного мира. Экономическая политика занимается изменчивым хозяйственным миром. Правда, есть авторы², которые признают за хозяйственными истинами выражение изменяющегося хозяйственного мира и поэтому, по их мнению, экономическая теория изучает изменения в хозяйственном мире. Из чего следует, что хозяйственные объекты созданы раньше экономической теории, а сама экономическая теория исследует и выражает изменчивый хозяйственный мир.

Таким образом, если обобщить взгляды на экономическую теорию и ее предмет, то получается, что в одном случае экономические истины представляют собой продукты сугубо умозрительные, тогда как в другом — это продукты теоретического истолкования хозяйственного мира или интерпретация эмпирической (порой статистической) реальности хозяйственного мира.

Двойственность и незавершенность рассуждений оставляет неудовлетворенность и поэтому, дабы снять последнее, разберем проблему в такой связке: экономическая теория — экономические знания — экономические истины — экономический эксперимент — экономическая реальность.

Принято считать, что экономические агенты принимают решения на основе знаний, в т. ч. экономических знаний (что не тождественно знаниям экономики). Но поскольку индивидуальный уровень знания оказывается разным, то и результат различается. В данном случае правомерно объяснить результат статистически и интерпретировать полученный результат как среднюю из множества разнородных элементов. Но возникает вопрос: в чем причина разного уровня знаний? Речь, конечно не о том, почему разные индивиды имеют разный уровень экономических знаний (понятное дело — в силу разных психосоматических качеств индивидов, образования и проч.), а почему в разные эпохи имеет место разный уровень экономического знания, хотя при этом имеется общее понимание фундаментальных экономических институтов? По-видимому, причина в самой природе экономических знаний. Но чем являются экономические знания? Однозначного ответа нет. Напротив, здесь мы

¹ Их принято связывать с экономикс и того раздела, который занят созданием «аналоговых экономик».

² Сюда следует отнести представителей так называемой эмпирической или экспериментальной экономики. По-видимому, наиболее точно их позицию выразил Н. Кондратьев [8], введя термин «эмпирические правильности».

опять имеем уже упомянутое выше «раздвоение». Одни признают, что экономические знания представляют продукты обобщения хозяйственной практики, которые осуществляет мышление, а поскольку различные эпохи отличаются разным уровнем развития хозяйственной деятельности, зрелостью экономических процессов, а также развитостью аппарата изучения экономических объектов, постольку результат понимания (моделирования) хозяйственного мира и его объектов оказывается разным. Более развитые экономики дают более адекватные экономические знания, менее развитые — менее адекватные. Если исходить из данной гипотезы, то мы имеем все же поступательное развитие познания и более глубокое, полное и адекватное понимание хозяйственного мира и его объектов. Другие, напротив, признают, что экономические знания являются не обобщением хозяйственной практики, а выражением (пересказом на экономическом языке) неких общемировых истин. Экономика (систематическая хозяйственная деятельность человека) представляет собой отражение мировых закономерностей, а экономические знания — их выражение в экономических терминах. Но возникает вопрос: как эти мировые закономерности даются человеку, нам, индивидуам в экономике?

На сей предмет есть много разных мнений, обобщение которых дает примерно следующую картину: различные индивиды в силу психических, социальных, исторических и прочих причин и факторов открывают закономерности хозяйственного мира, раскрывают сущность экономических объектов. Но получают новые знания индивиды не потому, что обобщают имеющиеся экономические объекты, а потому, что обладают врожденными знаниями о мире, в котором живут. Эти знания просто переводятся на язык экономики и получают экономические знания. И еще один момент в этих аргументах, который делает выдвинутые предположения «более доказательными»: люди ранжируются по своим способностям и по способностям вербализовывать (одна из форм экспликации) врожденные истины. Если ранжирование представить в виде пирамиды,¹ то экономисты оказываются на ниже средних

¹ Не следует путать с пирамидой, предложенной А. Беляниным [5] для ранжирования экономистов. В некотором смысле количественная принадлежность консорции может быть показателем «божьей милости» на экспликацию врожденных знаний (идей). Чем больше численность консорции, тем ниже способность к экспликации врожденного знания.

уровнях; считается, что уровень знаний экономистов заметно ниже среднего уровня знаний математиков, лингвистов, логиков и некоторых др. ученых мужей. (Одно успокаивает, все, кто призван реализовывать экономические модели на практике, населяют менее высокие таксоны). Поэтому и способности к экспликации врожденных знаний (идей) у экономистов ниже, чем у математиков и некоторых других ученых; им даются не самые высокие идеи и мысли, и не в таком большом количестве, как, например, математикам. Но тем не менее эти мысли добываются. Конечно, они добываются индивидуально. Индивидуальные знания обобщаются, становясь «коллективным разумом», из которого новые поколения черпают материал для развития. А поскольку экономика, как и любая другая наука, представляет собой «систему врожденного знания», то аксиомы и постулаты экономики основываются на ... «божьей милости» или интуиции. Поэтому на самом деле нет каких-то особых экономических знаний, а есть лишь «экономическая интерпретация (то есть пересказ) знаний». Отсюда следует, что экономические истины, как и математические и проч., врожденны, а сами «принципы экономики» содержат в себе фундаментальные истины о строении хозяйственного мира, являющегося миниатюрным выражением мироздания, или «большого Мира». Эти истины недоступны для эмпирического познания, хотя само строение хозяйственного мира представляет собой выражением строения «большого Мира».

При ближайшем рассмотрении выясняется, что такой взгляд допускает некоторый компромисс: тем, что позволяет провести деление экономики на теоретическую и прикладную. (Кстати, весьма важный с точки зрения проблем экономической науки). Теоретическая экономика занимается выявлением так называемых врожденных экономических истин. Она разрабатывает аксиомы, догмы, постулаты экономики. Это и есть предмет экономической теории. Прикладная экономика — занимается обобщением хозяйственной практики, выявляет основные тенденции и закономерности развития конкретной экономики или конкретного экономического развития. Конечно, все это делается на основе (и с помощью) предыдущего, то есть аксиом, постулатов экономики, но также и при помощи различных методов изучения хозяйственной практики: математических, логических, социологических и проч.

Из сказанного следует, что экономическое знание обладает принципиально иным стату-

сом, чем знание, основанное лишь на опыте, то есть эмпирическое знание. И дабы выделить эту особенность, предлагается различать теоретическую экономику и прикладную экономику как инструменты и источники разного знания. Теоретическая экономика занимается выявлением (систематизацией и проч.) априорных экономических знаний, формулировкой догм, аксиом экономики, а прикладная экономика — сбором, анализом и обобщением продуктов хозяйственной практики. Они никогда и нигде не пересекаются, не дополняют и не противостоят друг другу.

Из сказанного следует, что в демаркации различных воззрений и школ экономики принципиально важный момент — отношение к хозяйственной практике и хозяйственному эксперименту. Считается, что отличие экономики от наук естественных и гуманитарных (например, филологии и лингвистики) состоит в том, что повторить хозяйственный эксперимент в чистом виде невозможно: меняются условия. Хозяйственный эксперимент, как и любой другой эксперимент, должен быть воспроизводим. Но это возможно лишь в том случае, если он будет составлен из воспроизводимых частей и хозяйственных форм, «обеспечивающих соподчинение этих частей». Следовательно, любое обобщение хозяйственного эксперимента представляет собой не более как обобщение единичного и в чем-то уникального. Стало быть, обобщение представляет собой индивидуализацию и не более. В результате мы получаем некий набор множества индивидуальных экспериментов, когда-то и где-то произошедших, которые больше никогда и нигде не произойдут. Так для чего же тогда делаются эти обобщения, коль скоро цена им единица? Ответ может быть таким: либо мы неверно понимаем хозяйственный эксперимент, либо мы неверно интерпретируем его место в системе экономического знания. Разберем.

Во-первых, по-видимому, среди экономистов слишком преувеличена уникальность или неповторимость экономического эксперимента. Изменчивость — фундаментальное свойство мира, присущее любому из его объектов (будь то естественные или рукотворные, материальные или нематериальные). В той же физике, биологии и других естественных науках, если уже быть до конца последовательными, чистота эксперимента также неабсолютна. Всякий старый эксперимент — новый, так как изменяются условия его проведения. И эту особенность доказывает квантовая физика и расширительная интерпретация известных

принципов неопределенности Гейзенберга и дополнительности Бора. Но физики живут с этим грехом и причем достаточно комфортно. То же самое делают химики, биологи, и только экономистам это не дает покоя. Чистота эксперимента в экономике слишком преувеличена. С точки зрения науки (и хозяйственной практики) изменения в пределах определенных погрешностей, которые не изменяют суть феномена, допустимы. Что же касается стерильности эксперимента, то это не научный аргумент.

Правда, в экономике, в отличие от физики, химии, биологии и т. п., изменчивость имеет несколько иное свойство. Речь идет о так называемом феномене наблюдателя. В экономике в отличие от естественных наук так называемый наблюдатель является не сторонним и пассивным, а активным участником всех процессов, внося тем самым существенные изменения в экономические процессы. В экономике функционируют люди, наделенные разумом, эмоциями, опытом и т. д. Они не просто действуют на основании некоторых стереотипов поведения, они вносят в свое поведение всякий раз новые и новые уточнения и изменения. Причем эти изменения проистекают не просто по некоторой заранее определенной траектории (программе), а по многим траекториям (программам): люди изменяют свое поведение в результате знания о поведении, ощущений. Они предполагают свое поведение. И это предположение может оказаться как верным, так и неверным. Но это совершенно не заставляет их действовать иначе. Наблюдатель в экономике, таким образом, оказывается не сторонним существом, которое либо только пассивно фиксирует некоторые изменения, либо вносит эти изменения через какие-то промежутки времени. Он знает о том, что происходит и даже о том, что он знает, что происходит, и что будет происходить. Поэтому экономическая реальность — это не некое застывшее состояние, а постоянно изменяющийся процесс, и не то, что находится вне человека, а то, что создается самим человеком. Наблюдатель в экономике это и интерпретатор, и организатор, и творец одновременно; причём организация ведется им на основе интерпретации, а интерпретация включает в себя также и организацию. Поэтому он должен быть включен в качестве одной из базисных структур и базисной конструкций в любые экономические теории и гипотезы [1]¹.

¹ Правда, есть и другая интерпретация человека как своеобразного носителя «потребительских пристрастий». Эту особенность выразил В. Парето: «Человек может исчез-

Экономисты научились включать лишь отдельные аспекты «наблюдателя». В частности, на сегодня это ожидание [19, 31, 32, 26, 30]. Но, по-видимому, этого недостаточно. Нас ожидают новые открытия в области экономики, связанные с введением других признаков наблюдателя.

Во-вторых, в описании экономики имеет значение не столько экономический эксперимент, сколько экономическая/хозяйственная практика — этот повторяющийся множество раз и множеством субъектов в разных регионах и в разных средах хозяйственный эксперимент. Хозяйственная практика, в отличие от хозяйственного эксперимента, представляет собой статистический продукт, то есть некоторое статистическое явление; непрерывно повторяющийся процесс. Поэтому важное значение для хозяйственной практики имеет не чистота хозяйственного эксперимента, а его частота. Частота, повторимость миллиарды раз, а не рафинированность обмена, привели к тому, что он становится экономическим феноменом и явлением хозяйственной практики. Но как отдельный акт, который осуществляет любое существо, обмен представляет хозяйственный эксперимент. Преимущество этого хозяйственного института состоит в том, что он воспроизводим. Хозяйственная практика с древнейших времен ориентирована на воспроизводство обмена.

Итак, связывать экономическое знание с хозяйственным экспериментом как выражением последнего, по-видимому, вульгарно. Да, конечно, в экономическом знании много «от хозяйственного эксперимента», и с этой стороны напрашивается признание апостериорности многих представлений экономики, но дело в том, что хозяйственные эксперименты (и тем более хозяйственную практику) делают люди, наделенные определенными знаниями, в т. ч. знаниями экономическими. Следовательно, это знание не может быть апостериорным, то есть утверждение (или даже только предположение) об апостериорности экономических знаний скорее ошибочно.

Но по той же самой причине экономические знания не могут быть отнесены также «в чистом виде» к априорным. Дело в том, что априорные представления не зависят от субъекта и являются идентичными для любого познающего существа, будь это люди или любые существа, которые мыслят. Так ли с экономическими представлениями? По-видимому, так.

нуть, убедившись в том, что он оставил экономистам фототрафию своих вкусов» (цит. по [12, с. 90]).

Но тогда возникает вопрос: почему результаты экономических экспериментов часто оказываются не такими, какими их представляют их проектанты? Ведь хозяйственные эксперименты делают люди, наделенные определенными знаниями, опытом, представлениями о течении тех или иных процессов. Ссылаться на так называемую неполноту знаний, по-видимому, можно, но едва ли достаточно. Другое объяснение (которое используют экономисты) состоит в том, что экономику делают люди, которые, грубо говоря, конкурируют между собой, и поэтому каждый пытается реализовать свой интерес, добиться своих целей и т. д., то есть они мешают (причем порой сознательно, но чаще неосознанно) друг другу. В результате нарушается чистота эксперимента и поэтому на выходе результат оказывается иным, чем на входе. Очевидно, что и это объяснение недостаточно. Оно правдоподобно, но не истинно.

По-видимому, более корректным является объяснение о наличии различий между экономическими знаниями и экономическим экспериментом или даже практикой. Что имеется в виду? Часто приходится слышать о невосприимчивости практикой тех или иных идей. Эту особенность в полном объеме продемонстрировали 1990-е годы в России и странах СНГ; в истории других стран примеров не меньше. Но говорит ли это в пользу апостериорности экономических знаний или же, напротив, априорности? Что полученные знания не реализуются на практике в силу ли примитивности практики или же сложности теории? Ответить сложно. Но если бы наши экономические знания имели опытный или апостериорный характер, то их можно было бы повторить в очередном опыте и получить результаты, полученные ранее. Но такого не получается. Новый эксперимент, и тем более хозяйственная практика, отличается от предыдущего. Ссылаться, как это сделано ранее, на множественность субъектов хозяйствования, на изменчивость хозяйственного мира и, в особенности, восприятия и воззрений участников хозяйственного эксперимента и практики, представляется несколько наивным и больше похоже не некую форму жульничества, чем на научное доказательство. Но тогда почему не получается тождества между предполагаемыми и фактическими результатами? По-видимому, в силу именно априорности экономических истин и знаний.

Исходя из априорности экономических истин и знаний, следует признать, что основные экономические отношения носят универсальный всеобщий характер, свойственный любой

науке и в т. ч. экономике. Это означает, что за основными категориями экономики скрываются, по сути, хозяйственные объекты, которые даны нам вовсе не из предметной практической деятельности, то есть хозяйственного эксперимента и даже практики, а интуитивно или логически (что в данном случае одно и то же). Поэтому и основные аксиомы экономики следует рассматривать как навязанные нам, то есть полученные отнюдь не из опыта, а данные до всякого опыта. Но от этого они не утрачивают своей реальности и истинности, то есть они несомненно реальные и истинные. Означает ли это, что кроме хозяйственной (предметно-практической) реальности должна существовать еще некоторая непредметная и непрактическая нехозяйственная реальность, воспринимаемая интуицией и навязывающая нашему сознанию аксиомы экономики? Да. И такой реальностью выступает мир, в котором живет и творит человек; закономерности, по которым существует мироздание. Они носят универсальный характер и свойственны любому проявлению природы, индивидам и обществу. Люди «открывают» эти свойства мироздания (устройства мира) в различных областях, в т. ч. экономике. Значит, даже тогда, когда мы реализуем какие-то хозяйственные процессы, мы на самом деле лишь реализуем (открываем) фундаментальные свойства мироздания в хозяйственных объектах. При этом можем совершенно не знать о них как о свойствах мироздания. Роль науки показать, что они есть отражения мироздания, то есть принадлежат единому.

Как получают экономисты знания об этих объектах? Поскольку они имеют мирозданческую природу, то знания о них получают отнюдь не из опыта, а априори. Опыт лишь согласует эти знания (истины) с практической деятельностью. Человек является частью мироздания; причем стоял не у его истоков, а значительно позже¹; и поэтому силы, создавшие это мироздание, в какой-то момент (но не каким-то особым образом, а типовым, ибо в противном случае человек не мог бы знать (узнать) того, что было до того как он появился, и после того, как он появился) — создали и самого человека. Человек, таким образом, выступает носителем этих сил. Поэтому и в своей деятельности он не может делать ничего такого, чего бы не было в том, что его самого создало [6]. Он транслирует во всякой своей деятельности

свойства мироздания, которые создали его и которые находятся в нем. И в этом плане Аристотель прав, когда замечает, что человек действует так, как действует природа. Иными словами, экономические знания априорны, а следовательно, и созданные ими хозяйственные объекты функционируют по тем же самым принципам, по которым функционирует мироздание. Экономисты лишь эксплицируют и вербализуют эти принципы мироздания на примере экономических объектов. В этой связи можно признать, что априорные принципы экономики есть на самом деле априорные принципы сознания. Но при условии, что само сознание есть отражение все того же мироздания, его свойство. Правда, в отличие от других сфер бытия человека, экономика имеет ту особенность, что сознание (как атрибут человека) вплетается в хозяйственный мир, опосредует хозяйственные процессы и опосредуется ими.

Такое понимание связано с особой ролью человека (наблюдателя) в экономике. Люди не просто выступают элементами хозяйственного процесса, они осуществляют его организацию и всякий раз вносят в него изменения. По-видимому, здесь мы имеем дело с выработанными и закрепленными эволюцией механизмами сознания, которые предвосхищают объектную структуру хозяйственного мира и структуру хозяйственного поведения субъектов, а не являются его отражением. Но априорное знание, таким образом, тоже реальное, ибо оно относится к реальной структуре хозяйственного мира, во-первых, потому, что сам хозяйственный мир формируется на его основе, является во многом его продуктом, во-вторых, потому, что включен во всемирную реальность. Исходя из чего априорное экономическое знание следует рассматривать как существующее в сознании (причем не индивидуальном, а коллективном) до самой хозяйственной практики. Как именно оно дано, для хозяйственной практики, как и для экономической теории, не важно. (Это вопросы психологии). Поэтому экономические аксиомы, во-первых, не даны практикой и не получены из практики (или исключительно из практики), во-вторых, не являются исключительно феноменами экономической теории, то есть присущими только последней. По-видимому, они входят в общую систему человеческого знания в качестве ее элементов [17], которые образовались (а лучше сказать, выделились) в результате дифференциации знания, вызванной специализацией познания.

¹ Мы не разделяем ни креационизма, ни известных антропных принципов в отдельных интерпретациях.

Эта дифференциация и специализация знания привела к образованию так называемого экономического знания как знания об экономических феноменах. По-видимому, эти же процессы дифференциации и специализации знания привели к привязке экономического знания к предметной деятельности, в которой ему была отведена определенная ниша. Такая специализация в области знания привела далее к тому, что экономическая наука (и экономическая теория) приобретает в системе человеческого знания статус модели хозяйственного мира, предназначенной для «схватывания» изменчивости хозяйственной практики и возможности анализа и обобщения изменчивого хозяйственного опыта, эксперимента, так как при апостериорности экономических знаний такая задача становится заведомо нерешаемой. Чтобы ухватить текущую природу хозяйственного процесса, необходима модель, стоящая над самим изменчивым процессом; требуется ее данность до опыта. С данной особенностью связано новое, особое (и возможно основное) свойство экономической теории — предсказывать появление экономических феноменов.

Различные исследователи по-разному оценивают эту способность экономической науки и теории. Оставляя за скобкой различные варианты, следует заметить, что, очевидно, не все здесь сводится к простой экстраполяции. Очевидно, в немалой мере здесь имеет влияние наличие так называемой неэмпирической логической или аналоговой экономики. Ей же присуще свойство «предвосхищения экономической реальности» в силу того, что она основана на логических законах и правилах и состоит из логических объектов. В результате такой модельности экономическая теория (наука) осуществляет классификацию экономической реальности на классы. С другой стороны, на основе модельной экономики происходит более углубленное проникновение в структуру экономических отношений, за счет выявления новых связей и элементов, которые формируют и поддерживают эти связи. В силу того, что аналоговая экономика является логической (идеальной) моделью хозяйственной практики, она способна предсказывать поведение последней на каждом последующем этапе ее развития и появление в ней хозяйственных реальностей.

Но здесь поднимается вопрос: что прогнозирует, предсказывает экономическая теория (аналоговая экономика) — новый аналог экономики или перспективу реальной экономики,

в которой живут люди? Решение заключается в человеке или, используя терминологию физики, в наблюдателе. В экономике действуют люди, держащие в своей голове различные аналоговые экономики. Реальная экономика есть не что иное, как (кроме всего прочего) аналоговая экономика, пересаженная из головы экономических агентов в мир реальных отношений и преобразованная последними в соответствии с уровнем зрелости последних.

Обобщение различных воззрений и наблюдений позволяет заметить, что в нынешней экономике смешаны две экономики: реальная или объективная и мнимая или виртуальная. Впервые опасность такого смешения заметил еще Аристотель, который предложил различать экономику и хрематистику [3]. Это смешение приводит к нарушению всякого рационального понимания экономических процессов и в целом к растущей претензии к экономистам со стороны политиков и обывателей. (Свежий пример — мировой финансовый кризис, в котором обвиняют экономистов). Решение проблемы состоит в понимании экономической реальности. Что означает, что решить данную проблему можно при условии выделения в экономике двух типов экономик: фундаментальной и прикладной или же реальной и виртуальной. В каждой из экономик проблема экономической реальности решается по-своему. Но проблема экономической реальности может быть решена позитивно лишь в контексте проблемы экономической истины. Если мы говорим о так называемых математических теориях экономики (логической или аналоговой экономике), то их можно понимать как формальные схемы или модели, проекты экономики, имеющие определенный шанс получить эмпирическую интерпретацию и реализацию в некоторой прикладной сфере, что, собственно, и происходит, а вовсе не в том, что все «математические модели экономики» — лишь игровые модели. Реальность математических теорий экономики (например, тех же производственных функций или же «затраты — выпуск» и т. д.) вполне эмпирическая. Но они относятся к так называемой эмпирической или экспериментальной экономике. Эти модели экономики конечно также реальны, но их реальность эмпирическая, а не фундаментальная. И истинность этих моделей ограничена. Они верны по отношению к некоторому классу экономических экспериментов. Поэтому аппроксимация их на более широкий класс экономических явлений, как например, делалось и делается с производственными

функциями или «кривой Филипса» [24], приводит к ложным результатам и к искажению реальности. В результате страдает (в самом широком смысле этого слова) не только экономический эксперимент, но и сама экономическая теория. Что, собственно, и получается в большинстве случаев с экономическими моделями. Другое дело — фундаментальная или реальная экономика и экономическая теория. Ее отношение к реальности совершенно иное в силу того, что основные постулаты реальной экономики представляют не обобщение некоего экономического эксперимента и не его аппроксимацию на более широкий класс явлений, а выражение фундаментальных ми-

розданческих отношений, которые выражены в пропорциях различных явлений мира и находят свое отражение в так называемых мировых константах. Эти положения «укоренены» как в структурах человеческой деятельности, так и в структурах человеческого сознания и мышления. Они не зависят от экономического эксперимента, сколько бы раз тот не производился и где бы он не производился. А поскольку они не вытекают из эксперимента и не имеют так называемого эмпирического характера, то и их отношение к эмпирической экономике иное. Они получаются не в результате обобщения экономического эксперимента, а на основе интуиции.

Список литературы

1. Автономов В. С. Модель человека в экономической науке. — СПб.: Экономическая школа, 1998. — 205 с.
2. Алле М. Экономика как наука: пер. с франц. — М.: РГГУ, 1995. — 165 с.
3. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. — М.: Мысль, 1983.
4. Баумоль У. Чего не знал Альфред Маршалл. Вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. — 2001. — №2. — С. 73-107.
5. Белянин А. В. А был ли кризис? // К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки: материалы теоретического семинара ИМЭМО / Рук. В. А. Мартынов. — М.: ИМЭМО РАН, 2002.
6. Блауг М. Тревожные процессы в современной экономической теории // К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки: материалы теоретического семинара ИМЭМО / Рук. В. А. Мартынов. — М.: ИМЭМО РАН, 2002.
7. Вудфорд М. Что не так с экономическими моделями (ответ Джону Кэю) науки // Вопросы экономики. — 2012. — №5. — С. 14-21.
8. Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. — М.: Экономика, 1989. — 342 с.
9. Кэй Дж. Карта — не территория. О состоянии экономической науки // Вопросы экономики. — 2012. — №5. С. 4-13.
10. Либман А. Современная экономическая теория. Основные тенденции // Вопросы экономики. — 2007. — №3. — С. 36-54.
11. Макашева Н. А. Экономическая наука после кризиса: что изменится? // Общественные науки и современность. — 2012. — №6. — С. 73-86.
12. Мальцев А. А. О возможных истоках кризиса экономической теории // Общественные науки и современность. — 2012. — №6. — С. 87-99.
13. Маркс К. Капитал. Т. 1. — М.: Политиздат, 1988.
14. Негизи Т. История экономической теории. — М.: АО «АспектПресс», 1995. — 462 с.
15. Полтерович В. М. Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. — 1998. — №1. — С.46-66.
16. Спиноза Б. Избранные произведения: в 2-х т. Т. 1. — М.: Госполитиздат, 1957.
17. Степин В. С. Теоретическое знание (структура, историческая эволюция). — М., 2000. — 744 с.
18. Три силы в экономике. Государство, рынок, общественное сознание, восприятие феноменов бытия и представления о них (spiritus animalis) / Рахаев Б. и др. // Общество и экономика. — 2012. — №12. — С. 110-130.
19. Финансовый кризис и провалы современной экономической науки / Коландер Л. и др. // Вопросы экономики. — 2009. — №6. — С.10-25.
20. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS: Теория и история экономических социальных систем и институтов. — 1994. — Вып. 4. — С. 20-52.
21. Хайлбронер Р. Л. Экономическая теория как универсальная наука // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. — 1993. — Т. I. — Вып. I.
22. Худокормов А. Г. Развитие экономической мысли через ее периодические кризисы (к вопросу об общем принципе эволюции мировой экономической теории в XX веке). — М., 2012.
23. Экономическая теория на пороге XXI века / Под ред. Осипова Ю. М., Пуляева В. Т. — СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996.
24. De Long B. America's Peacetime Inflation: The 1970s / Romer C., Romer D. (eds.) Reducing Inflation Motivation and Strategy. — Chicago: University of Chicago Press, 1997.

25. Financial Crisis and the Systemic Failure of Academic Economics. University of Copenhagen. Department of Economics / Colander D., Follmer H., Haas A., Goldberg M., Juselius K., Kirman A., Lux T., Sloth B. // Discussion Papers. — 2009. — №09-03.
26. Fischer. ed. Rational Expectations and Economic Policy. 1980.
27. Galbraith J. K. The Roots of the Crisis and How to Bring It to Close // Crisis: Causes, Consequences, and Our Futures. — Hoboken (N.J.), 2011.
28. Lucas R. On the Mechanics of Economic Development // Journal of Monetary Economics. 1988. Vol. 22. №1.
29. Lucas R. E. Models of Business Cycles. — 1987.
30. Lucas R. E., Sargent T. T. After Keynesian Macroeconomics. In: Rational Expectations and Econometric Practice. — L., 1991. — P. 301.
31. Muth J. A. Rational Expectations and the Theory of Price Movements. // Econometrica, 29, no. 6 (1961). P. 315-354.
32. Sargent, Thomas J. Rational Expectations and Inflation. 1986.

УДК 330.101

Ключевые слова: экономическая наука, экономическая теория, экономические истины, априорность, экономический эксперимент, экономическая реальность, аналоговая экономика, теоретическая экономика, экспериментальная экономика, экономические феномены, экономическая эпистемология, экономическое знание, хозяйственная практика, теоретическая экономика, эмпирическая экономика